

Сень Д.В. (Краснодар, Россия)

КАЗАКИ-СТАРООБРЯДЦЫ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ОТ ПЕРВЫХ ВАТАГ К ХАНСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ (Некоторые теоретические аспекты оценки роли крымско-османского государственного фактора в становлении и развитии Кубанского казачества)

Объектом исследования выступает кубанское казачество, проживавшее на территории Крымского ханства в конце XVII в. – 1770-х гг., основу которого составили донские, в т.ч. верховые, казаки, ставшие осваивать северокавказский регион уже с начала 1680-х гг. Цель работы состоит в обозначении узловых, по преимуществу дискуссионных аспектов изучения данной группы казачества. На очередном этапе работы (общие вопросы были поставлены автором на научной конференции "Социальная организация и обычное право" (Краснодар, 2000)¹) решено остановиться на оценке роли крымско-османского государственного фактора, в процессе, во-первых, становления новой социокультурной общности – кубанских казаков – и, во-вторых, в становлении и развитии на Кубани Древлеправославной (старообрядческой) церкви.

Интересно, что, несмотря на все расширяющийся круг авторов, аргументировано, на прочной источниковой базе доказывающих реальность складывания войсковой организации на Кубани в конце XVII – начале XVIII вв. (разделяющих в целом наши взгляды на историю первого ККВ)², эта

точка зрения пока не нашла широкого признания в научной среде. Более того – некоторые историки казачества – "государственники" – восприняли новую, "неудобную" для себя концепцию негативно. При изучении многочисленных сборников тезисов региональных и всероссийских конференций (Краснодар, 1992, станица Тамань, 1992, Ростов-на-Дону, 1995, станица Каневская, 1999 и др.), отражающих, очевидно, развитие и кубанского исторического регионоведения, бросается в глаза следующее: ряд важнейших аспектов, связанных с освоением кубанского региона казачеством, становлением здесь православной церкви, формированием нового центра старообрядчества, *сознательно* остается вне поля зрения многих ученых, рассуждающих *в целом* о природе российского казачества, роли казачьего фактора в истории Северного Кавказа. Сложившаяся в отечественной науке (и верная во многом) традиция негативной оценки роли Крымского ханства в истории России привела в соединении с разделяемыми многими казаковедами представлениями о казачестве как авангарде российской государственности, рыцарях православия, верных сторонниках царизма и пр. к оформлению *статичной, теоретически устаревшей* к настоящему времени системы изучения казачьей истории на Кубани, "естественным" путем выходящей на уровень официальной идеологии, негативно влияющей на изучение, например, межнациональных отношений. В контексте вышеозначенного мнения, взаимоотношений Крымского ханства и Османской империи, существенно влиявших на геополитическую обстановку не только на Северном Кавказе,

¹ Сень Д.В. Кубанское казачество: условия формирования и пополнения (К вопросу о генезисе и развитии ранних казачьих сообществ) // Социальная организация и обычное право: Мат-лы научной конференции (Краснодар, 24–26 августа 2000 г.). – Краснодар, 2001.

² Он же. "Войско Кубанское Игнатово Кавказское": исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). – Краснодар, 2001; Боук Б. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. – 2001, № 4; Усенко О.Г. О начальной (донекрасовской) истории кубанских казаков // Творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины. – Краснодар, 1999. – С.67–70; Он же. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. тр. –

Вып.2. – Тверь, 2000. – С.63–77; Шкуро В.И. Вольная казачья республика на Кубани и судьба ее обитателей // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества: Сб. науч. тр. – Краснодар, 1993.

но также странах Восточной Европы, можно согласиться с Ю.В. Приймаком, считающим, что изучение османского присутствия в западнокавказском регионе, вопреки высокой степени участия Порты в местной жизни, содержит в себе немало "белых пятен", что эта проблема "является весьма своевременной и назревшей" в условиях одной из назревших задач современной науки, предполагающей "регионализацию" историй³. Тема "Кавказ и славяне (казачество) в контексте крымско-османского влияния XV–XVIII вв." – перспективная, вне всякого сомнения, и методологически значимая, находящая все больше своих сторонников. Значимой является работа видного ученого-казаковеда В.Н. Королева "Славяне турецкого Азова", в которой аргументируется точка зрения о существовании в этой крепости в первой половине XVI в. крупной общины свободных славян⁴. Американский ученый Б. Боук, изучающий историю донских казаков в контексте учения о фронтире, призывает не забывать о многогранности их взаимоотношений с турецко-татарским населением Крымского ханства, включающей, в частности, вполне дружественные, торговые контакты⁵, упоминания о чем можно также найти в войсковой отписке булавинцев кубанскому Сартлану-мурзе (май 1708 г.). Наконец, уместным будет отметить, что, несмотря на верное по сути мнение о паразитическом, хищническом характере набеговой системы крымских и ногайских татар, вызванной неразвитостью производительных сил и производственных отношений в Крымском ханстве⁶ и нанесшей громадный вред России, там существовала прорусская или "московская" партия

крымской знати, а в начале XVIII в. в Крыму даже велись переговоры о переходе под русское владычество⁷.

Вопреки тенденции изучения истории, в частности, Правобережья Кубани как неотъемлемой части истории Крымского ханства, можно указать на иное освещение региональной истории, менее адекватное ситуации XV–XVIII вв. Например, глава III коллективной монографии "Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г." (Краснодар, 1996) *обтекаемо* называется "Кубань в XVI – 2-й половине XVIII в.", а в предыдущей главе – "Кубань в период появления первых государств" – говорится о Боспорском царстве, Тмутараканском княжестве и гетуэзских колониях *и ни слова о Крымском государстве*.

А вот несколько примеров, характерных для "традиционного" изучения роли православно-казачьего фактора в истории Кубани: "Имперская модель была устойчиво впечатана в их (казаков – Д.С.) культурный код. Для казака истинность веры подтверждалась блеском и величием Империи..."⁸ (О.В. Матвеев); "Еще до переселения черноморцев на новые земли... здесь уже существовали в древние времена христианство, церкви и христианское население. <...> В дальнейшем на этой территории распространяется ислам" (выделено нами. – Д.С.)⁹ (В.Е. Бороденко); "Распространение православия на Кубани связывается с казачеством, а начальный этап – с историей Черноморского казачества"¹⁰ (О.Ф. Сухинина); "Известно, что Кубань в новое время осваивалась двумя основными потоками переселенцев – казаками и пришлыми крестьянами... На первом этапе эта была регулируемая правительством военно-казачья колонизация"¹¹ (В.Н. Ратушняк, В.Е.

³ Приймак Ю.В. Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи XVIII – первая треть XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2000. – С.3.

⁴ Королев В.Н. Славяне турецкого Азова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общ. науки. – 1999, №1, 2.

⁵ Боук Б. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право... – С.152.

⁶ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. – М., - Л., 1948. – С.418–419; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. – СПб., 1887. – С. 712.

⁷Якобсон М.А. Средневековый Крым. – М., 1964.

⁸ Очерки традиционной культуры казачества России / Под общ. ред. проф. Н.И. Бондаря. – Т.1. – М., – Краснодар, 2002. – С.21.

⁹ Бороденко В.Е. Первые церкви Черноморского казачьего войска // Кубанское казачество: проблемы истории и возрождения: Тез. докл. науч. конф. – Краснодар, 1992. – С.9.

¹⁰ Сухинина О.Ф. Из истории становления Русской Православной Церкви на Кубани // Там же. – С.11.

¹¹ Ратушняк В.Н., Щетнев В.Е. О проблемах местной истории (по материалам Кубани) // Творческое насле-

Щетнев). Создается неверное в корне представление о том, что прикубанские степи до пресловутого "конца XVIII в." не были знакомы казакам, что эти земли в Новое время являлись Диким полем для православных людей, в т.ч. миссионеров, что они не знали церковного строительства и были населены исключительно мусульманским населением. И, мол, только с появлением в регионе казаков-черноморцев, проводников имперской политики, здесь начинается своеобразная эпоха просвещения, развития, местных, в частности, народов, распространения православия и пр.

Ретроспективный же охват истории кубанских казаков-старообрядцев, других ранних казачьих сообществ¹² свидетельствует о том, что подобные взгляды искажают историческую действительность, их авторы *намеренно выхолащивают* содержание вольной, антигосударственной природы всего казачества, искусственно переводя процесс естественного (внутреннего) развития казачьих сообществ на "рельсы" российского (исключительно!) государственного строительства. Кроме того, ими существенно обедняется *концептуальное* наполнение истории Кубани XV–XVIII вв., связанное до русско-турецкой войны 1768–1774 гг. с *определяющим* на нее влиянием правящего в Крымском ханстве дома Гиреев и крымской знати, государства, являвшегося до 1772 г. вассалом Османской империи.

Конец 1680-х – начало 1690-х гг. ознаменовался в местной истории появлением первых групп донских по происхождению казаков-старообрядцев, потерпевших поражение на Дону и не нашедших, как оказалось в итоге, надежного

убежища на Северо-Восточном Кавказе¹³. Крымский хан довольно лояльно отнесся к появлению "кяфиров" на территории ханства, разрешив им построить укрепленный городок в междуречье Кубани и Лабы, "а спомогать им в том городском деле велел, и суду чинить и кочевать около их казачья жилища и беречь [их] Казыева улусу татарам"¹⁴. Вскоре казаки стали получать жалованье от крымского хана, участвовать в набегах татар на Дон, им была дарована свобода в вопросах внутреннего самоуправления, приобретении рабов, перемещении по территории ханства и пр. Впоследствии большинство казаков переселяется в крепость Копыл, оттуда, в начале XVIII в. – в местечко "Хан-Тепеси (Ханский холм), что на расстоянии четырех часов от крепости Темрюк, в окрестностях рек Анапа и Пучгаз..."¹⁵ Первые кубанские казаки, несмотря на имевшие время от времени случаи обратного возвращения на Дон¹⁶, *заложили прочные основы долговременно заботливого и, как представляется, более чем заботливого к ним отношения правящей династии Гиреев*. Основой тому послужил не столько военно-политический расчет ханов на казаков как отличных воинов (что, кстати, вполне подтвердилось), а коллективная позиция самих казаков, выраженная в их желании стать верноподданными правителей Крыма – что сулило несомненные выгоды. Исключительной важности документ из фонда №111 РГАДА был недавно введен в научный оборот Б. Боуком, который (вместе с современной ему припиской) представляется целесообразным привести полностью: "По приказу превысокаго хана, дан сей указ. Которые

дие Ф.А. Щербины и современность: Тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Ф.А. Щербины. – Краснодар, 1999. – С.115.

¹² Никитин Н.И. О формационной природе ранних казачьих сообществ (К постановке вопроса) // Феодализм в России: Сб. науч. ст. – М., 1987. – С.236–245; Он же. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI – середины XVII века // История СССР. – 1986, №4. – С.167–177; Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). – Ростов на/Д., 1998. – С. 215–268.

¹³ Боук Б. К истории первого Кубанского казачьего войска... – С.31–33; Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVIII столетия. – СПб., 1889. – С.209–211.

¹⁴ Цит по: Боук Б. К истории первого Кубанского казачьего войска... – С.34.

¹⁵ Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII века // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. – М., 1969. – Ч.2. – С.128.

¹⁶ См., напр.: Усенко О.Г. Начальная история... – С.66; Дружинин В.Г. Указ. раб. – С.212; Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). – СПб., 1996. – С.144.

казаки исстари наши живут на Темрюке и на Кубани и служат с нами, и за службы их в Крым и ис Крыму назад их пропускать, по дорогам и по перевозам и по пристанищам никому недержать и никаких взятков не брать, и в новом городке и в табакоском пристани и в других пристанищах и в перевозех вышеозначенных казаков никому недержать. И везде сей указ осмотра пропускать, и с них и с лошадей и с рухледи их пошлин и перевозных денег неимать и никаких обид им не чинить для того что изстари наши слуги чтоб против других их неставить. И по сему указу были б все послушны. У того листа приписано хановою рукою имянно и печать. А в печати написано имя Девлет Герей хана Селим Гиреева ханов сын. А писано 1704 году марта 23¹⁷. Правда, Б. Боук не обратил внимания на несоответствие времени подписания указа хронологии правления Девлет-Гирея II, которое приходится на 1699–1702, 1708–1713 гг.¹⁸ В 1704 г. на крымском престоле произошла очередная замена: после смерти хана Селим-Гирея в конце 1702 г. ханом стал его сын Гази-Гирей III, правивший до 1707 г. Можно, таким образом, предположить, что российский переводчик ошибся, переводя дату с летоисчисления хиджры на христианское летоисчисление (юлианской календарь). Таким образом, нельзя наверняка ответить на вопрос, в какой период своего правления Девлет-Гирей II подписал данный указ, но по некоторым косвенным признакам (после смещения Каплан-Гирея II с престола осенью 1708 г. казаки И. Некрасова в ожидании нового владыки Крыма переселяются в Закубанье, проживая там еще в начале 1712 г.¹⁹) появление этого документа на свет можно отнести ко времени первого правления Девлет-Гирея II. В таком случае примечателен факт захвата этого указа царицынскими служилыми людьми вместе с кубанскими казаками в 1709 г. (!): следовательно, его юридическая значимость *никем* (в

т.ч. Гази-Гиреем и Каплан-Гиреем, правившими после Девлет-Гирея II) на территории Крымского ханства не подвергалась сомнению, и он на протяжении более 6 лет являлся для кубанских казаков *действенной* охранной грамотой.

После ухода с Дона крупного отряда донских казаков в августе 1708 г., вызванного угрозой военного поражения во время подавления Булавинского восстания, постанцы под руководством И. Некрасова переходят вместе с семьями на Правобережье Кубани – владения крымского хана, *не имея при этом гарантий своей безопасности*. Лояльную по отношению к казакам политику крымских ханов следует признать одной из причин их отступления *именно* на Кубань. Логично предположить, что решение Каплан-Гирея оставить казаков на территории ханства не было первоначально согласовано с султанским двором, являясь к тому же нарушением одной из статей российско-турецкого Константинопольского мирного договора 1700 г. (о взаимном запрете сторонам принимать беглых). С.М. Риза, например, прямо указывает на данное решение хана как одну из причин его смещения с престола осенью 1708 г.²⁰ Логично задаться вопросом: что побудило Каплан-Гирея оставить бунтовских казаков на Кубани, причем он наверняка знал, что Россия предъявит Порте соответствующие претензии. Заслуживает внимания мнение ученого-востоковеда В.Д. Смирнова, писавшего, что этот хан, потерпев незадолго до описываемых событий поражение от закубанских черкесов, решил дать "прибежище бунтовским казакам в надежде, вероятно, найти в них себе поддержку в случае нового нападения на черкесов, потому что едва ли бы помирился с посрамлением, которое нанесли ему эти последние"²¹. В любом случае авантюрный в какой-то степени поступок донских казаков свидетельствует о неизбежности подобного рода развития событий, став итогом плана отступления донцов на Кубань, одним из

¹⁷ Цит по: Боук Б. К истории первого Кубанского казачьего войска... - С.35.

¹⁸ Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. - М.,1977. - С.210.

¹⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф.123, оп.1. 1709 г., д.1, л.14 об, 15 об.; Там же. Ф.89, оп.3. 1712 г., д.22, л.1–1 об.

²⁰ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. - Одесса, 1889. - С.12.

²¹ Там же.

авторов которого являлся К.А. Булавин²², поступком, подчеркнутым остроту тогдашней борьбы на Дону. Зверства царских карателей достаточно подробно освещены в письменных источниках начала XVIII²³ и превосходное знание повстанцами местных геополитических условий. Примечательно, но столкнись И. Некрасов с враждебным к его казакам отношением крымско-турецких властей, он, скорее всего, не стал бы отправлять на Дон своих посланцев с предложением тамошним казакам переселяться на Кубань. А такие случаи были неединичны уже в 1708 г.²⁴ Уверенность беглых казаков в своей безнаказанности (обратной стороне осознания ими Кубани как места надежного убежища) не ускользнула от азовского губернатора И.А. Толстого, писавшего осенью 1708 г. своему брату П.А. Толстому, российскому послу в Стамбуле, о том, что И. Некрасов, принятый кубанцами, "непрестанно посылает от себя на море к Азову и под Азовские городки для воровства...которые посылаемые от него ныне все проехав Кубань в лотках на море рыбных ловцов ... разграбили и ватаги...били и много рабочих людей побрали с собою в неволю..."²⁵

В конце 1708 г. Каплан-Гирей был смещен с ханского престола и "новые" кубанские казаки, находясь в тревожном ожидании нового крымского владыки, переселяются на Левобережье Кубани, где власть крымских ханов была минимальной. По этой причине они не могли сразу после своего появления на Кубани основать стационарные места поселений, утверждение о чем можно встретить в предшествующей историографии²⁶. Неизвестно было, как новый хан, а им оказался Девлет-Гирей II, освобожденный из ссылки на о.Родосе, отнесется к новым беглым казакам и к вероятным претензиям

России на их возвращение. В самом деле, Петр I, временно занятый другими делами, уже в декабре 1708 г. повелел азовскому губернатору И.А. Толстому "О Некрасове, как возможно домогаться, и писать в Царь-город, чтоб ево и протчих воров на Кубань не принимали и к нам взаимно писали..."²⁷ Российская дипломатия в лице Г.И. Головкина, П.А. Толстого предпринимает ряд активных мер, направленных на достижение договоренности с султанским двором и ханом Девлет-Гиреем II по поводу выдачи казаков²⁸. Несмотря на уговоры российского посланца В. Блеклого, отправленного в Крым по именному царскому указу, богатые подарки, Девлет-Гирей выразил свою позицию (июль 1709 г.) в следующей фразе: "Что-де мне отдать, чево у меня нет. Я-де ему отказал и указ послал, чтоб он в Крыме и на Кубане не был, откуда и как пришел, так бы и ушел"²⁹. Хан, впрочем, лукавил: отвечая В. Блеклому подобным образом, он, надеявшийся в предстоящей войне Турции с Россией использовать казаков как проводников и великолепную конницу, лишь ограничился отговорками о своем нежелании видеть их на территории ханства, складывая с себя, тем самым, всякую ответственность за возможные в дальнейшем антироссийские действия со стороны последних.

Не вызывает сомнения осведомленность ханского двора о тогдашнем местонахождении казаков И. Некрасова, если об этом стало известно В. Блеклому, ехавшему на Дон через Кубань и узнавшему, что "вор и изменник Игнатка Некрасов живет на Кубани, где жил Аллаватов-мурза"³⁰. Более конкретные сведения нам удалось обнаружить в письме И.А. Толстого к хану Девлет-Гирею от 13 июля 1709 г.: "А ныне получил я подлинную ведомость от ево Игнаткиных товарищей, которые были с ним

²² Булавинское восстание. 1707-1708 гг: Сб-к документов. - М., 1935. - С.244, 270.

²³ Там же. - С.327, 329-331.

²⁴ Там же. - С.336; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVI-XVIII вв. и участие в них донского казачества. - Ростов н/Д, 1983. - С.276.

²⁵ РГАДА. Ф.89, оп.1. 1708 г., д.2, л.470-471 об.

²⁶ Содержание вопроса о хронологии и географии городков кубанских казаков см.: Сень Д.В. "Войско Кубанское Игнатово Кавказское"... - С.39-46.

²⁷ Русская старина. 1879. - Т.25 (июнь). - С.250.

²⁸ Сень Д.В. "Войско Кубанское Игнатово Кавказское"... - С.94-98; Он же. Новые материалы о социально-политическом положении некрасовских казаков на Кубани в начале XVIII в. // Вопросы северокавказской истории: Сб-к науч. ст-й аспирантов и соискателей. - Армавир, 1998.

²⁹ РГАДА. Ф.123, оп.1. 1709 г., д.1, л.13.

³⁰ Там же, л.14 об.

на Кубани, и пришли к царскому... величеству с повинною и сказывали, что оные воры и изменники Игнатка Некрасов и товарищи и донныне живут за Кубанью близ черкес в юрте Аллавата-мурзы (выделено нами. – Д.С.)³¹. Известно также, что И. Некрасов обращался с письменной просьбой к хану о том, чтобы "ему быть на Кубани"³² и что хан якобы отказал казачьему лидеру на основании условий мирного русско-турецкого договора. Очевидно, у казаков имелись хотя бы субъективного рода основания для того, чтобы бояться на Кубани не только тяжелой руки Москвы, но и хана Девлет-Гирея II. Приняв активное участие в русско-турецкой войне 1710–1711 гг., казаки-некрасовцы по-прежнему не были застрахованы от новых попыток царской России добиться их выдачи (несмотря на молчаливую поддержку крымских властей). Позиция султанской Турции в точности нам неизвестна, но можно предположить, что в Стамбуле разделяли взгляды хана на нецелесообразность выдачи казаков-некрасовцев, поскольку гетмана Мазепу, "выдачи которого добивалось царское правительство, турецкие власти решили переправить в Крым, так как там существовал обычай не выдавать тех, кто просил покровительства хана"³³. Далее С.Ф. Орешкова пишет, что в октябре 1708 г. Мазепа умер и вопрос о его выдаче или отправке в Крым отпал. Впрочем, вскоре Османская империя высказалась более определенно по поводу законности пребывания беглых казаков на территории Крымского ханства.

В царском манифесте об ответном объявлении войны Османской империи от 22 февраля 1711 г. в числе "неправостей" Порты упоминалось "принятие Его Величества подданных бунтовщиков и изменников в свою сторону и держание... в своей области". Далее в манифесте конкретизировалось, о каких именно бунтовщиках шла речь: "...после бунта учиненного от его Царского Величества подданных казаков Донских в 1708 году, ушедших бунтовщиков казаков Некрасова с товарищи во область и

защитение свое не токмо приняли, но и всякое им вспоможение чинили, и позволили на Его Царского Величества города, придав своих татар, нападение чинить"³⁴. Глухое раздражение чувствуется в словах Петра I о том, что, несмотря на отправку султану Ахмеду III трех грамот, в которых наряду с другими, звучало требование о выдаче бунтовских казаков (включая, очевидно, мазепинцев), "токмо то исполнено, ниже ответа чрез долгое время не учинено". Несомненно, что, несмотря на строгие по форме указы о запрете крымскому хану принимать беглых российских подданных, Османская империя не возражала на деле против использования казаков против России, выражая молчаливое согласие по поводу присутствия их в составе крымского войска. К слову сказать, казаки-некрасовцы приняли в этой войне самое активное участие³⁵, намереваясь даже пополнить 50 своими лодками состав турецкого флота, летом 1711 г. находившегося у Азова. Несмотря на немногочисленность кубанских и запорожских казаков, вопрос о статусе их пребывания был поднят сторонами, что примечательно, при выработке условий заключения мирного договора – после неудачного для России Прутского похода. Следовательно, можно говорить о прямой заинтересованности султанского двора в использовании Крымским ханством казачьего фактора и в местной геополитике, и в акциях внешнеполитического характера. По условиям Прутского мирного договора от 12 июля 1711 г. Россия обязывалась "не замать" в числе поляков, черкас и запорожцев, "которые суть в их (султана. – Д.С.) подданстве, и казаков, которых Хан Крымский сиятельнейший Девлет-Гирей Хан, имеет в своем покорении..."³⁶ Наконец, в п.3. Адрианопольского мирного договора от 13 июня 1713 г. говорится о запрете казакам, находящимся "в стороне Блистательной Порты" совершать "убытки и предосуде-

³⁴ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). – СПб., 1830. – Т.4 (1700–1712 гг.). – С.631–632.

³⁵ См., напр.: Война с Турцией 1711 года (Прутская операция) / Издал А.З. Мышлаевский. – СПб., 1898. – С.35, 40, 76–77, 176, 234, 251, 343.

³⁶ ПСЗ. – Т.4. – С.716.

³¹ Там же, л.15 об.

³² Там же., л.14 об.

³³ Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. – М., 1971. – С.65.

ния" против заключенного мира³⁷. Все это означало *окончательный* отказ России в отношении выдачи ненавистных лично Петру I казаков И. Некрасова и его самого, *юридическое признание* ею статуса беглых некогда казаков как подданных крымского хана – с одной стороны и оказание этим казакам *действенного* покровительства со стороны турецкого султана – с другой.

Переход казаков-некрасовцев на Правобережье Кубани примерно в 1712 г. связывается нами именно с определением их статуса как крымскоподданных – впервые эта новая в казакведении точка зрения была высказана и аргументирована автором статьи в 1999 г.³⁸ Казаки, тем не менее, не спешили покидать Закубанье, проживая там еще в начале 1712 г. Данное обстоятельство можно усмотреть в содержании обязательства, данного Айвасом пашей, мурзой Мегмет-Агой (турецкими наблюдателями за исполнением Россией условий передачи Турции Азова) и буджацкими агами от 3 января 1712 г. в отношении казаков-некрасовцев: "Ныне с стороны Московского государя таганрожскому губернатору присланное письмо про изменника казака, о котором он нам говорил, чтоб о присылке с стороны салтанской указ нам писать, чтоб те казаки Игнашка Некрасов с товарищи жили особно, и ныне и впред Кубану на сю сторону не переехали, и близ города Азова нигде не были; и жилище не давать. И в том с стороны нашей просил писма, чтоб той казак по обыклову своему воровству, ныне между обоих государей постновленному миру не учинил какого нарушения. И покамест с стороны салтанской указ будет, тому казаку отнюдь переехать реку Кубань не давать, где он живет, там и быть (в обоих случаях выделено нами. – Д.С.). И в том сие письмо дали во уверение генералу Апраксину (бывшему азовскому губернатору.– Д.С.)"³⁹. Многочисленные источники, однако, свидетельствуют – свои городки некрасовцы вскоре возводят на *правом* берегу Кубани, по

преимуществу в лиманообразующей части Таманского о-ва, крайне редко находя вслед за этим убежище на землях западных адыгов.

Роль османского фактора в формировании благоприятных для становления и развития кубанского казачества условий явно прослеживается и в том, что еще в 1711 г., по данным А.Д. Бачинского, султанское правительство предлагало кубанским казакам переселиться в пределы Османской империи⁴⁰. Год спустя произошло не менее знаменательное событие – видный историк старообрядчества, Ф.Е. Мельников, ссылаясь на публикацию в ж-ле "Христианское чтение" (Т.222), пишет, что в 1712 г. казаки-некрасовцы обратились к Иерусалимскому патриарху Хрисанфу с просьбой посвятить в епископский сан достойного кандидата, что с явным неудовольствием было воспринято в Санкт-Петербурге⁴¹. Хронология этого события, на наш взгляд, также может служить подтверждением (правда, косвенного характера) проживания казаков-некрасовцев на Левобережье Кубани до 1712 г., когда стало возможным переселиться в пределы ханства и заняться налаживанием мирной, в т.ч. религиозной, жизни. Впрочем, много лет спустя (до 1753 г.) чаяниям казаков-некрасовцев суждено было сбыться: они снова обратились с аналогичного рода просьбой в Стамбул, и султан приказал крымскому православному архиепископу Гедеону рукоположить в архиерейский сан казачьего кандидата – монаха Феодосия, что тот, несмотря на первоначальный отказ, и исполнил под угрозой насилия со стороны турецкого паши, возглавлявшего отряд янычар⁴². На Кубани, таким, образом, появился "епископ Кубанский и Терский", не сумевший, однако, ужиться с кубанцами и вынужденный позже переселиться в Добруджу. Факт посвящения Феодосия в сан Гедеоном подтверждает также в своей "Книге о промысле Божиим..."

⁴⁰ Бачинський А.Д. Дунайські некрасівці і задунайські запоріжці // Историчне краєзнавство Одещини. - Одеса, 1995. - Вип.6. - С.9.

⁴¹ Мельников Ф.Е. Краткая история Древлеправославной (Старообрядческой) Церкви. - Барнаул, 1999. - С.162-163.

⁴² Мельников П.И. Старообрядческие архиереи // Русский вестник. 1863. - Т.45, №6 (июнь). - С.471.

³⁷ ПСЗ. - Т.5. (1713-1719 гг.). - СПб. - С.40.

³⁸ Сень Д.В. Казаки-некрасовцы на Кубани в начале XVIII в.: начало эмиграции // Клио. Журнал для ученых. - СПб., 1999. - №2 (8). - С.198.

³⁹ РГАДА. Ф.89, оп.3. 1712 г., д.22, л.1-1об.

иеромонах Парфений, обличитель старообрядчества, указавший, правда, на иеромонашеский, а не епископский его сан⁴³. Однако П.И. Мельников, опубликовавший материалы о старообрядческих священниках на Кубани Феодосии и Анфиме, подтверждает свои выводы, в отличие от и.Парфения, ссылкой на источник XVIII в. – "делом Священного Синода о раскольническом арх. Анфиме 1757 г."

Делая промежуточный вывод, можно сказать: православная Россия отняла в начале XVIII в. у донских казаков все условия для свободной, полноценной во всех отношениях жизни, руководствуясь государственными интересами превращения донского казачества в служилое, *подконтрольное* режиму сословие. Мусульманские же государства – Крымское ханство и Османская империя – руководствуясь в принципе теми же интересами, надеясь найти в лице казаков активных врагов России (что можно было с немалой выгодой использовать в собственных целях), все эти условия беглым донцам предоставили. И кубанские казаки не преминули воспользоваться всеми преимуществами нового подданства, в массе своей верой и правдой служа правящим династиям Османов и Гиреев. Оценивая сложную и болезненную для России ситуацию пребывания казаков-некрасовцев на территории, находящейся вне прямой досягаемости ("по достоинству" оцененную Крымом и Портой), не приходится сомневаться в факте заочного знакомства султана Ахмеда III с личностью казачьего атамана – Игната Некрасова. Подтверждение тому удалось обнаружить в отписке ген-майора Шидловского адм. Ф.М. Апраксину от 28 января 1711 г.: "А все ведомости доносятся в Киев, что на наши полки Некрасов с ордою будет, так намерены: не только наши полки, чтоб и весь Белгородский Разряд разорить и выжечь; перед султаном так обещал учинить, за что многий презент получил"⁴⁴.

⁴³ Парфений, иеромонах. Книга о промысле Божиим, как он чрез православие ведет к спасению, а неправославных обличает собственными их делами. М., 1857. - С.185.

⁴⁴ Война с Турцией... - С.40.

Правда, не стоит, как это делают некоторые ученые, идеализировать поступки кубанских казаков, носивших нередко жестокий и сомнительный характер. Они убивали, грабили население приграничных российских территорий, обманом захватывали в плен "языков", наконец, занимались работоторговлей и сами держали рабов⁴⁵. Пленопродавством занимались еще "старые" кубанские казаки; что же касается казаков-некрасовцев, то и они преуспели на этом неблагоприятном "поприще". Когда, например, в 1739 г. на Кубань был отправлен от Войска Донского базовый татарин Айтак – с письмами об обмене пленными – то согласившийся с предложением донцов кубанский сераскер Селим-Гирей "приказал... невольников сыскивать и определил на то людей нарочных татар, чтоб ездили с тем Айтаком и покупали у изменников некрасовских казаков пленников, у коих изменников имелось более полону, нежели как у татар"⁴⁶.

Заложив основы для формирования ханского казачьего войска, крымские ханы не препятствовали в дальнейшем притоку беглых на Кубань. Бегство российских подданных, в т.ч. старообрядцев, на Кубань – еще один малоизученный аспект темы. Некрасовцы на протяжении десятилетий активно занимались "сманиванием", причем царские власти, Войско Донское, не сумели создать действенной системы пресечения агитации в России "некрасовских шпионов", жестоко карая при этом попадавших в плен агитаторов, или казаков, заподозренных в измене, организовывая широкомасштабный сыск и пр.; попытки же царизма разрешить проблему в Стамбуле успеха не имели⁴⁷.

⁴⁵ Там же. - С.77; Сб. РИО. 1878. - Т.25. - С.375; Усенко О.Г. Начальная история... - С.72-73; РГАДА. Ф.89, оп.1. 1717 г., д.4, л.15-18; Фелицын Е.Д. Сборник архивных материалов... - С.101.

⁴⁶ РГАДА. Ф.177, оп.1. 1739 г., д.128, л.164 об.

⁴⁷ Щелкунов З. Преступления против "войска" по древнему казачьему праву // Сб. Области Войска Донского статистического комитета. - Новочеркасск, 1908. - Вып.8. - С.166; Дмитренко И.И. К истории некрасовцев на Кубани // Известия ОЛИКО. - Екатеринодар, 1899. - Вып.1. - С.65-67; Юдин П., Л. Из за старой веры // Записки Терского общества любителей казачьей старины. - 1915, №3. - С.28-29; РГАДА. Ф.111 1718 г., д.6, л.74; Российский государственный архив военно-морского флота. Ф.233, оп.1, д.28,

В понимании взаимообусловленного процесса сманивания/бегства, связанного, как видится, с представлениями о "царстве древнего благочестия", необходимо, конечно, обращение исследователей к религиозному фактору. Свое перспективное развитие это направление может получить в связи с изучением пастырской деятельности на Кубани в начале 1750-х гг. старообрядческого епископа Анфима⁴⁸. Склонный к авантюризму Анфим, проживавший в то время в европейской Турции, охотно откликнулся на приглашение казаков-некрасовцев, прибывших к нему "с посольством" в 1753 г. Интересно отметить, что еще до приезда епископа на Кубань в регионе ранее имелся старообрядческий епископ Феодосий (см. выше). Новый пастырь рьяно взялся за дело – он посвятил в сан епископа двух человек, еще одного, по основанию *монастыря (!)* – в сан архимандрита, а "по слободам многое число попов, и дал им универсалы, чтоб иметь им по своим обрядам церковное служение"⁴⁹. Впрочем, отношения епископа с казаками скоро испортились – священник стал претендовать на роль не только духовного, но и светского лидера, угрожая непокорным казакам анафемой, осмеливаясь вступать в споры даже с войсковым атаманом. Уместным будет вспомнить здесь об отношении еще донских казаков к церковной власти – пользуясь неразвитостью церковной организации на Дону, они сами вмешивались в дела церкви, а священники никогда не имели сколь-нибудь серьезного влияния на решения Войскового круга. Итогом выяснения отношений стало изгнание епископа Анфима с Кубани, инициированное, вне всякого сомнения, некрасовскими казаками. *Тем не менее результаты его миссии следует признать весомыми: вероятно, можно даже говорить о новом этапе в развитии старообрядческой церкви*

л.19; Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.55, оп.1, д.1491, л.101-104, 113, 121; Там же, д.1383, л.72; Там же, д.1472, л.63, 70, 86; Там же, д.1393, л.5; Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.115, оп.1. 1752 г., д.1, л.26 об., 28, 28 об., 46, 58.

⁴⁸ Мельников П.И. Указ. раб. - С.469-473.

⁴⁹ Там же. - С.471.

на Северо-Западном Кавказе конца XVII–XVIII вв. Активизируется церковное строительство⁵⁰, причем нам удалось обнаружить аутентичное свидетельство о возведении и освящении одной из первых, по прибытии Анфима на Кубань, церквей. Из путевых заметок архимандрита Павла, настоятеля одного из московских единоверческих монастырей, следует, что когда он приехал в 1881 г. на оз. Майнос в некрасовское селение Эски-Казаклар (Бин-Эвле), то местный священник показал ему старинный антиминос (церковный платок с частицами мощей), на котором имелась исключительной важности надпись: "Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в церкви святых живоначальных Троицы. Освящена бысть церковь сия в лето 7261 году, индикта 1, месяца августа 21 дня (т.е. в 1753 г. – Д.С.), на память святых мученик Фотия и Аникиты, при великом государе первопрестольнике Анфиме, епископе Кубанском и Гомильском"⁵¹. Отсутствие в письменных источниках, российского, например, происхождения (при всем при том, что российские войска неоднократно в XVIII в. были на Кубани), сведений о расположении церквей и монастыря можно объяснить следующим: церкви, что вполне естественно, располагались на территории казачьих городков, которые основывались в труднодоступных, болотистых районах; подступы к ним защищались естественными преградами – протоками, болотами, лиманами⁵², где в одном из донесений с кубанского театра военных действий 1737 г. сказано, что "изменники некрасовские казаки також живут по островам за водяными заливами и багнами в крепких местах". Один из кубанских казаков, "вышедших" тогда к противнику, показал, что некрасовцы, услышав о приходе российских войск, покинули свои острова "между багнами", т.е. болотами. И, несмотря на то, что городки бы-

⁵⁰ Там же. - С.472.

⁵¹ Павел, архимандрит. - Краткое описание путешествия во св. град Иерусалим и прочие св. места. - М. 1884. - С.102.

⁵² См., например: Фелицын Е., Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. - Екатеринодар, 1904. - С.138.

ли оставлены без защиты, лишь несколькими российскими казакам-добровольцам удалось вплавь и только с копьями добраться на один остров и выжечь главный некрасовский городок – Хан-Тюбе. А когда в 1736 г. калмыки и донские казаки вели на стороне России боевые действия на Кубани, то им удалось захватить и сжечь только один некрасовский городок – "до которого можно было достигнуть"⁵³. Очевидно, фактор нахождения казачьих поселений "в крепких местах" и стал основной причиной крайне редких случаев их разорения и уничтожения: скорее всего, кубанские казаки, предполагая возможность нападений на свои жилища врагов, с самого начала *целенаправленно* подыскивали для их расположения достаточно надежные места, проявив в данном вопросе удивительную прозорливость и практичность. Что касается монастыря, то этот религиозный центр казаков находился, очевидно, в исключительно защищенном и малолюдном месте, доступ в который, надо думать, не был беспрепятственен всему контингенту восточнославянского (православного) населения Крымского ханства. Принципы храмостроения, по-видимому, на Кубани остались те же, что бытовали у казаков на Дону. В.В. Пищулина, изучавшая вопрос об истоках донского храмостроения, пишет, что три части донского станичного храма, располагаясь по одной линии, "именовались с востока на запад: алтарь, мужичник, бабник"⁵⁴. Наш вывод находит свое подтверждение в записках В.Ф. Минорского и Н.И. Щербо, посетивших некрасовцев на оз. Майнос в начале XX в. (тогдашняя ситуация с полным основанием может быть экстраполирована на ситуацию XVIII в.)⁵⁵. Вот, например, что увидел в 1904 г. капитан Н.И. Щербо: "...главный неф, разделенной по длинной оси двумя деревянными решетчатыми перегородками с широкими проходами на три помещения: первое, с запад, для женщин, второе – для

мужчин, а восточное, возвышаясь на одну ступеньку, представляет как бы два клироса перед самым иконостасом"⁵⁶.

В теоретическом отношении плодотворным, несомненно, окажется обращение историков казачества к описанию знаковых систем, возможностям культурно-семиотического подхода, предполагающего обращение к точке зрения участников исторического процесса, их оценке событий, как основы развития (изменения) предметно-содержательной части этого процесса⁵⁷.

После проведения патриархом Никоном церковных реформ, вызвавших, по сути, гражданский раскол в русском обществе, немалое число "расколоучителей" бежало на Дон, способствуя формированию и распространению идеи о том, что "светлая Россия потемнела, а мрачный Дон воссиял и преподобными отцами наполнился, яко шестикрыльнии [серафимы] налетеша"⁵⁸. Интересно, что один из своих новых городков донские старообрядцы называли "вторым Иерусалимом"⁵⁹, что с одной стороны могло пониматься в контексте противопоставления святости, чистоты Дона "нечистой" Москве – "третьего Рима" и тоже "нового Иерусалима", а с другой стороны – в контексте апокалиптической идеи Второго Пришествия, объединенной с пасхальной идеей Воскресения, вписывающихся в космологическую картину мира и, вместе с тем, вполне отвечающих эсхатологическим ожиданиям⁶⁰. В конце 1680-х гг. донские старообрядцы терпят поражение – было разгромлено несколько религиозных центров, а власть в Войске вновь захватили сторонники "еретической" Москвы. Часть донцов-старообрядцев бежит на юг, в т.ч. владения шамхала Тарковского, а также на Кубань. Здесь, как видится, назрела методо-

⁵⁶ АВПРИ. Ф.180, оп.517/2. 1902-1914 гг., д.4955, л.57 об.

⁵⁷Успенский Б.А. Избр. тр. М., 1995. - Т.1. (Семиотика истории. Семиотика культуры). - С.11.

⁵⁸ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. - СПб., 1875. - Т.12. - Док. №17.

⁵⁹ Боук Б. К истории первого Кубанского казачьего войска... - С.31.

⁶⁰ Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси // Б.А. Успенский. Избр. тр. М., 1996. - Т.1. - С.93.

⁵³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. - СПб., 1869. - Ч.1. - С.201.

⁵⁴ Пищулина В.В. Истоки традиций храмостроения на Дону // Научная мысль Кавказа. - 1998, №1. - С.36.

⁵⁵ Минорский В.Ф. У русских подданных султана. - М., 1902 (отд. оттиск). - С.30-31; АВПРИ. Ф.180, оп.517/2. 1902-1914 гг., д.4955, л.44-70.

логическая необходимость поставить вопрос о связи старообрядческого понимания юга как направления поиска земли обетованной (шире – рая), а севера – как ада, с реальным процессом освоения Северного Кавказа "древлеправославными христянами", в т.ч. казаками. Еще Л. Леви-Брюль писал, что в архаическом сознании пространство мыслится анизотропным, т.е. архаическому человеку "не все равно (в духовном смысле), куда идти. В его сознании выделяются сакрализованные и десакрализованные направления движения, определенные рубежи между "своим" и "чужим" пространством".

Как пишет разделяющий взгляды Ю.М. Лотмана на проблему "географии" ада и рая выдающийся отечественный лингвист Б.А. Успенский, "в древнерусской культуре пространство воспринималось в ценностных категориях: те или иные земли расценивались как чистые и нечистые, праведные и грешные. Отсюда "движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, а нижняя – в аду". При этом ад и рай также мыслились в пределах географического пространства: их в принципе можно было посетить. "Проникновение человека в ад или рай в средневековой литературе (надо думать – и в средневековом сознании. – Д.С.) всегда мыслилось как *путешествие*, перемещение в географическом пространстве" и, соответственно, "всякое перемещение в географическом пространстве становится отмеченным в религиозно-нравственном отношении..."; "средневековый человек рассматривал... географическое путешествие как перемещение по "карте" религиозно-моральных систем: те или иные страны мыслились как еретические, поганые или святые"⁶¹. И далее: "Можно предположить вообще, что в противопоставлении праведных и грешных земель отражаются представления о рае и аде: понятия рая и ада как бы проецируются на географическое пространство, и, соответственно, эти понятия

лежат в основе представлений о святости и грешности места"⁶².

Впрочем, нельзя впадать в крайность: стремиться объяснить причины бегства людей на Северный Кавказ исключительно религиозными мотивами и всех христиан, жителей Крымского ханства, в т.ч. кубанских казаков, объявлять старообрядцами, на что верно указал со ссылками на первоисточники О.Г. Усенко⁶³. Однако большая часть Кубанского казачьего войска, включая войсковую верхушку, "крепко держалась расколу", привлекая к бегству на Кубань не только людей светских, но и лиц духовного звания. Так, в конце XVII в. вместе с кубанскими казаками С. Пахомова в Копыле (впрочем, в отдельном курене) проживало 20 монахов⁶⁴; в 1702 г. кубанские казаки ("с общего совету"), заручившись поддержкой крымского хана, отправили на Северский Донец своих представителей к известному на Дону человеку – "расколоучителю" Авиле, которого "донские казаки почитают за святого, потому что де тот Авилка им, казакам, кто из них придет к нему о чем справитца, пророчествует. <...> Да тот же Авилка держитца расколу..."⁶⁵ Характеристика некрасовских шпионов в указе Военной коллегии (1720 г.) включает в себя и лиц "духовного чину", которых, в случае поимки, надлежало лишать священства и которых на Кубани все же не хватало⁶⁶. В свете имеющихся в распоряжении ученых уже основательного круга источников по истории РПЦ на территории Крымского ханства, с вниманием следует отнести к данным эмигрантского автора А.К. Ленинова о том, что "закладка первой раскольничьей часовенки в Великом Войске Кубанском относится к концу XVII в. (т.е. с появлением на Кубани Аграханских казаков). К половине XVIII в. помимо часовень, имевшихся в каждом городке, было и несколько церквей". Следующая его мысль более спорна, но по сути своей верно отражает полноправный

⁶² Там же. – С. 383.

⁶³ Усенко О.Г. Начальная история... – С.66.

⁶⁴ Боук Б. К истории первого Кубанского казачьего войска... – С.35.

⁶⁵ Цит по: Усенко О.Г. Начальная история... – С.68.

⁶⁶ Дмитренко И.И. Указ. раб. – С.65–66.

⁶¹ Он же. Дуалистический характер русской средневековой культуры // Там же. – С. 381.

статус Церкви в мусульманском государстве: "Весь духовный клир, священники, причетники и т.д. были выборными, включительно до архиепископа. Таким образом, кубанская казачья церковь по своему существу юридически была автокефальной"⁶⁷. В показаниях яицких казаков, схваченных в 1727 г. по доносу казака Ф. Медведева, указан "один и тот же мотив к побегу, что на Кубани жить хорошо, что на Кубани "староверят" и за старую веру не гонят"⁶⁸. В мае 1745 г. кизлярский комендант доносил астраханскому губернатору: "По слухам, некоторое число мужчин и баб, закоренелые в расколе на Кубань (с Терека. - Д.С.) тайным образом отошли"⁶⁹. А в деле "О лжестарце Варлофомее, попе Тихоне и других раскольниках, открытых в землях Войска Донского и Яицкого" (заинтересовавшем саму Елизавету Петровну) 1752-1753 гг. говорится о широкомасштабном плане волжско-яицких старообрядцев, в т.ч. казаков, уйти на Кубань⁷⁰. Подобная мотивация прослеживается во многих источниках - к некрасовцам бегут уральские, донские, гребенские казаки, выходцы из великорусских губерний. *Объяснение процесса этого бегства следует, как видится, поставить, в связи с поисками старообрядцами "царства древлего благочестия", "земли обетованной", сказания о которой (в т.ч. об Индийском, Беловодском, Араратском царстве, граде Китеже и пр.) были весьма популярны в среде религиозных нонконформистов*⁷¹. Кстати, свой вариант мифа об "обетованной земле" - городе Игната, создают со временем сами казаки-некрасовцы, "разместив" его за "Пещаным

морем" - Аравийской пустыней. Неслучайной, как видится была география побегов на юг и юго-восток, в т.ч. кубанские земли, поскольку с этими направлениями в русском фольклоре связаны представления о рае, и наоборот, с направлением на север - об аде. "По народным представлениям, юго-восток связан с морем и мировым деревом. Там, на острове Восточного моря сидит богоматерь на золотом престоле". Идея обретения церковной иерархии, отраженной в этих сказаниях, всегда заботила российских старообрядцев. Слухи о пастырской деятельности на Кубани епископа Анфима (см. выше) весьма быстро, надо думать, распространились в их среде, с удовлетворением воспринявшей обретение кубанскими собратьями законного священства. Поскольку рукоположенные Анфимом два епископа продолжали после его отъезда архиерействовать, то, резонно замечает П.И. Мельников, можно предполагать, что они "в свою очередь посвятили других, и что таким образом на Кавказе раскольническая иерархия, происшедшая от Анфима, не прекращалась"⁷². В контексте вышесказанного необходимо, наконец, поставить еще одну научную проблему: *о связи Кубани с другими крупными старообрядческими центрами - Веткой, Стародубьем, Яиком и даже владениями Османской империи на Дунае*⁷³. Без решения данных вопросов не может быть изучен адекватно феномен старообрядчества XVIII в., его вклад в отечественное и мировое историко-культурное наследие.

В качестве предварительного вывода можно сказать, что представители русского старообрядчества скорее всего осознанно бежали на территорию Крымского ханства, где отсутствовала проблема скрытого отправления культа, добровольно-принудительного перехода в никонианство, где, как оказалось впоследствии, успешно решалась проблема "законного" священничества. Ярчайшим примером проявления такой свободы и независимости на

⁶⁷ Ленивов А.К. Великое Войско Кубанское // Вольное казачество. - Париж, 1932. - №110-111. - С.8.

⁶⁸ Дмитренко И.И. Указ. раб. - С.67.

⁶⁹ Грищенко И.П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII-XIX веках // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. - Грозный, 1977. - Т.11. - С.73.

⁷⁰ Селищев Н.Ю. Старообрядцы в Уральском казачьем войске в XVIII - первой половине XIX в. (проблемы и перспективы исследования) // Вестник МГУ. Сер.8 (История). - 1994, №3. - С.47-48.

⁷¹ Тумилевич Ф.В. Предания о "городе Игната" и их источники // Народная устная поэзия Дона: Мат-лы научной конференции. - Ростов н/Д, - С.319-320; Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков в "Беловодское царство" // Записки ИРГО. - СПб., 1903. - Т.28. - Вып.1.

⁷² Мельников П.И. Указ. раб. - С.472.

⁷³ Селищев Н.Ю. Указ. раб. - С.49, Павлишин А.Т., Пригарин А.А. Некрасовцы на Дунае: этнокультурное развитие в XVIII-XX вв. // Творческое наследие Ф.А. Щербини и современность... - С.89.

территории ханства явилась, кстати, религиозная жизнь кубанских казаков-некрасовцев. В характеристике кубанской земли происходит мена: "нечистое" (в смысле – мусульманское) пространство становится "чистым" (в частности, на основании "незараженности" его никонианской ересью). И наоборот, признаки "нечистого" пространства приобретает Земля Донская.

Другое дело, что нельзя переоценивать реальные масштабы бегства людей на Кубань, как это, например, сделал Ф.В. Тумилевич, указав, что из 500 тыс. бежавших из России в период с 1719 по 1741 гг. "немало" пришло на Кубань к некрасовцам⁷⁴. Да, заслугу кубанских казаков-некрасовцев следует признать весомой в определении Кубани как направления возможного бегства – даже в 1767 г., как указывал в своем донесении обер-комендант крепости Св. Дмитрия Потапов, "российские люди к некрасовским казакам, которые под командою кубанского сераскера, человека по два и по три о двуконь приезжают и которых некрасовские казаки к себе принимают"⁷⁵. Пример исключительно благоприятного проживания казаков под эгидой мусульманского Крыма в соединении с данными о наличии на Кубани церковной иерархии определил исключительную продолжительность взаимообусловленного процесса сманивания/бегства. Но, несмотря на то, что этот регион являлся местом *постоянного и надежного* прибежища для всевозможных беглецов, процесс бегства нельзя (по состоянию на сегодняшний момент источниковой базы) признать явлением крупномасштабным и не контролируемым (хотя бы отчасти, несмотря на благоволение к кубанским казакам крымских ханов) крымскими властями. При этом надо думать, часть беглецов вливалась непосредственно в состав Войска, рождалась, переходя в старообрядчество, с кубанскими казаками, влияя тем самым на демографические процессы в первом ККВ, большая часть которого, впрочем,

так и осталась представленной верховыми донскими казаками и их потомками.

Анализ правового статуса кубанских казаков свидетельствует о том, что они являлись *полноправными* подданными крымских ханов, находясь порой в более привилегированном, нежели татары, положении. Не находит исторических оснований скепсис, выраженный С.А. Козловым, по поводу условий проживания казаков на Кубани, как людей, подвластных крымско-османским властям⁷⁶. Кубанским казакам была предоставлена практически полная свобода в вопросах войскового управления, как то: выборов войсковой старшины, в т.ч. атаманов (войскового и городков), наказания членов Войска, распределения между казаками добычи и т.п. *Однако имевшая место в 1-м ККВ внутренняя автономия могла быть (равно как и само Войско) ликвидирована ханом в любой момент – в случае скрытого или открытого неповиновения этих подданных его волеизъявлению.*

Впрочем, данное обстоятельство нельзя рассматривать в качестве фактора, обусловившего исключительную верность кубанским казакам своим покровителям – крымским ханам. Заняв естественную нишу, достойное место в социально-политической структуре ханства, казаки весьма быстро и, что немало важно, сознательно избрали путь верного служения дому Гиреев. Подчеркнем, что личные качества казаков зачастую превосходили соответствующие характеристики татар и турок, что не могло остаться незамеченным правителями Крыма. Высокое воинское искусство, честность и храбрость казаков лежали в основе формирования их отношений с Гиреями, причем, по нашему мнению, можно говорить о *личностном* характере этих взаимоотношений. Вероятнее всего, что именно хан Девлет-Гирей II, столкнувшись с проблемой массового пополнения рядов своих верных казаков после Булавинского восстания, мог реально способствовать процессу оформления сообщества кубанских казаков в естественную форму организации – казачье войско, признав особый их статус как своих подданных, даровав область постоянного проживания,

⁷⁴Тумилевич Ф.В. Казаки-некрасовцы. К истории антифеодального движения на Дону и Кубани // Дон. – 1958, №8. – С.138.

⁷⁵ ГАРО. Ф.55, оп.1, д.1491, л.101.

⁷⁶ Козлов С.А. Указ. раб. – С.144.

войсковые регалии и войсковую, по сути, автономию (впрочем, поселив их подальше от остальных своих подданных – на Таманском о-ве). Нередки были случаи проявления адресного, заботливого внимания ханов к своим казакам⁷⁷, причем в истории не зафиксировано применения к ним репрессий со стороны Гиреев на протяжении всего XVIII в. (за исключением, пожалуй, хана Шагин-Гирея), равно не было случаев измены кубанских казаков правителям Крыма. В 1739 г. крымский хан Менгли-Гирей, державший, кстати, при себе сотню казаков-некрасовцев, предложил казакам – перед угрозой вторжения на Кубань российских войск – переселиться на время в Крым, для сообщения о чем прислал к ним *лично* посланца⁷⁸. Примечательно, но некрасовцы позволили себе *отказаться* от ханского предложения, заявив о том, что переселятся туда только в случае ухода татар в Крым.

Суть перемен, происходивших в казачьей среде⁷⁹, сводится к следующему: основные элементы войсковой организации кубанские казаки восприняли с Дона], выходцами откуда они являлись. После переселения казаков И. Некрасова из Закубанья на Правобережье Кубани происходит их объединение со "старыми" кубанскими казаками, заложившими основы создания войсковой организации в Крымском ханстве. Войсковая территория, соотносимая с географией казачьих (некрасовских) городков, включала в себя

болотистые земли в лиманообразующей части Таманского острова между Таманью и Темрюком. Войсковым центром становится городок Хан-Тюбе, а первым общевойсковым атаманом – Игнат Некрасов. Во всех быстро появляющихся казачьих городках, в т.ч. Кара-Игнате, Савельевцах⁸⁰ распространение получает местная система управления, предусматривавшая выборы атамана и его помощников, подчиненная в своей основе общевойсковым принципам управления. Постепенно в сознании казаков происходят изменения, связанные, во-первых, с осознанием ими кубанского региона как места своего конечного *Исхода* (в смысле *конечности пути*) и, во-вторых, насущной необходимостью объединения казачьих общин в *естественную* – войсковую форму организации. Имелись в первом ККВ неотъемлемые войсковые атрибуты – знамя и печать. Правда, в некоторых источниках⁸¹, говорится о знаменах "Игнат-козаков", т.е. казаков-некрасовцев, основной составляющей первого ККВ. Возможно, речь шла о знаменах (значках) отдельных казачьих городков. Интересный факт, со ссылкой на архивный документ, приводит П.П. Короленко: "При военных действиях Крыма с русскими, кабардинцами и другими... народами... некрасовцы выставляли около 500 человек. Этот казачий полк всегда носил пред своими рядами *зеленое знамя* (выделено нами. – Д.С.)"⁸². Скорее всего, в виду имелось не знамя Пророка, а войсковое знамя кубанских казаков. Помимо предполагаемой его цветовой символики, можно указать на другой ряд

⁷⁷ Короленко П.П. Некрасовские казаки // Известия ОЛИКО. - 1900. - Вып.2. - С.18; Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов... - С. 147, 248; Скальковский А.А. Некрасовцы, живущие в Бессарабии // Журнал МВД. - 1844. - Ч.8. - С.18; Записки барона Тотта о татарском набеge на Ново-Сербию (с предисловием и послесловием - С.Е.) // Киевская старина. - 1883. - Т.7 (сентябрь-октябрь). - С.162, 171; Урюпинский Ф. Игнат-казаки // Казачье дело. - Париж, 1937. - №11. - С.15; Боук Б. К истории первого Кубанского казачьего войска... - С.35.

⁷⁸ РГАДА. Ф.177, оп.1. 1739 г., д.128, л.214 об.

⁷⁹ См., например: Сень Д.В. Казаки-некрасовцы на Кубани... - С.198-199; Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов... - С.138; Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.249, оп.1, д.258, л.19, 55; РГАДА. Ф.123, оп.1. 1709 г., д.1, л.14 об, 15 об; Там же. Ф.89, оп.3. 1712 г., д.22, л.1-1 об; Там же. Ф.115, оп.1. 1752 г., д.4, л.239 об.; ГАРО. Ф.55, оп.1, д.1479, л.27.

⁸⁰ Сень Д.В. Топонимия городков кубанских казаков на территории Крымского ханства в конце XVII в. - 1770-х гг. // Вопросы лексикологии и лексикографии языков народов Северного Кавказа, русского и западноевропейских языков: Тезисы общероссийской науч. конф. - Пятигорск, 1999. - С. 104-106; Он же. К вопросу о хронологии и географии городков казаков-некрасовцев на территории Крымского ханства в XVIII в. // Историческое регионоведение - вузу и школе: Материалы VI-й международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию научно-педагогической Школы В.Б.Виноградова. - Армавир - Славянск-на-Кубани, 1999. - Ч.2. - С.19-21; РГАДА. Ф.177, оп.1. 1740 г., д.99, л.23.

⁸¹ Например: Записки барона Тотта... - С.168.

⁸² Короленко П.П. Некрасовские казаки... - С.19.

характеристик, связанный с изображениями на знамени. Во-первых, это могло быть изображение старообрядческого креста. Косвенное тому подтверждение находим у того же барона Тотта: "Игнат-козаки не особенно заботятся о чистоте своей христианской веры, но они сохранили ее символ (т.е. крест. – Д.С.), на своих знамена"⁸³. При анализе изображения на копии некрасовского знамени, изготовленного в начале XX в. по старинному образцу, обнаруживаются параллели. Обратная сторона этого экземпляра знамени, на треть состоящего из кусков зеленого цвета, содержит в себе "вышитый восьмиконечный старообрядческий крест, поставленный на основание, а основание – на шести кубиках, по три с каждого края основания"⁸⁴. Кстати, наличие знамени у казаков-некрасовцев в Анатолии отмечено в описаниях русских путешественников конца XIX – начала XX вв. казачьего с. Эски-Казаклар⁸⁵.

Отгиски войсковой печати, принадлежавшей казакам-некрасовцам того же села, были обнаружены нами в двух архивах Москвы и Ростова-на-Дону. Печать круглой формы, с идущей по кругу надписью: "Войска Кубанского Игнатов Кавказского", внутри которой помещено изображение парусного судна⁸⁶. Экстраполируя данные факты на ситуацию XVIII в., считаем, что на Кубани существовала аналогичная войсковая печать, но, возможно, с иным первоначально изображением (оленем, пронзенным стрелой – ?) и надписью. Что касается символики корабля, то здесь, может быть предложено два, как минимум, варианта – старообрядческое понимание общины как корабля (могло быть первичным при

введении данного элемента в "формулу" печати) и трактовка судна в качестве "корабля Игната". В пользу мнения об устойчивом бытовании войсковой печати, поэтапном процессе ее создания и использования как символического предмета (рассматриваемого в контексте складывания войсковой организации, начавшейся в конце XVII в.) свидетельствует следующее: в конце одной из грамот кубанских казаков, перехваченных осенью 1709 г. "царицынскими служилыми людьми", шла запись: "К сей войсковой грамоте наша войсковая печать приложена"⁸⁷.

Условия проживания казаков в регионе, предоставленные и соблюдавшиеся крымскими ханами на протяжении XVIII в., определили довольно быстрое складывание на Кубани новой социокультурной общности – кубанских казаков (казаков-некрасовцев), для которой характерен ряд особенностей, включая наличие самоназвания, причем самоидентификация казаками себя как кубанских казаков, была основана, вероятно, не только на факте географии своего местоживания. Это можно усмотреть в бытовании на Кубани известной нам формулы "Войско Кубанское Игнатово Кавказское", или "Великое Войско Кубанское". В отличие, например, от экзоэтнонима "липоване", аутоэтноним "некрасовцы" возник *внутри* сообщества кубанских казаков и, конечно же, уже в XVIII в. на территории Крымского ханства. Отметим в этом отношении этнообразующую роль т.н. "Заветов Игната", в числе авторов которых, безусловно, был сам И. Некрасов. Принятие его имени и фамилии (поскольку известен аутентичный термин "игнат-козаки") этими казаками в качестве самоназвания (а также признание равноправного их статуса наряду с другим самоназванием – донские казаки) было причинно обоснованным, знаковым явлением. Безусловна связь понятия "некрасовцы" с процессом сакрализации личности И. Некрасова (вызванными к жизни не в последнюю очередь исключительной его ролью в судьбе кубанских

⁸³ Записки барона Тотта... - С.168.

⁸⁴ Ростовский областной музей краеведения (РОМК). Ф.2, оп.1. Св.5, д.27, л.4.

⁸⁵ См., например: Вожин. Некрасовцы в Анатолии // Новое время. - 1898. №8059. - С.4; АВПРИ. Ф.180, оп.517/2. 1909-1912 гг., д.4962, л.152 об.

⁸⁶ Фонды РОМК. Ф.2, оп.15, д.7. КП №10172/4 (фотография "расписки" об изъятии знамени у казаков-некрасовцев х.Новонекрасовского Приморско-Ахтарского р-на в 1932 г. Документ заверен некрасовской печатью. - , Д. - С.); АВПРИ. Ф.180, оп. 517/2. 1909-1912 гг., д.4962, л.7; Там же. 1910-1911 гг., д.4958, л.22; Там же. 4955, л.5об.

⁸⁷ РГАДА. Ф.111, оп.1. 1709 г., д.12, л.7об. (документ выявлен и любезно предоставлен автору статьи Б. Боуком. - Д. С.).

казаков), защиты и сохранения казаками своей самобытности; с формированием новых поведенческих стереотипов. В ряде "донские казаки – кубанские казаки – казаки-некрасовцы (игнат-казаки)" можно, по нашему мнению, усмотреть также разные уровни самосознания казаков-старообрядцев. Так или иначе, но впоследствии выбор, сделанный донскими казаками в части нового для себя самообозначения, обосновывался (поддерживался) традицией и пересмотру в форме отказа не подлежал. Весьма быстро на Кубани появляются *потомственные* казаки, которые, в отличие от своих предков, начинают осознавать себя уже кубанскими, некрасовскими казаками не только по факту места проживания, подданства, но и рождения: "наращиваются" тем самым признаки новой, нежели на Дону, самоидентификации. Со временем происходят изменения в традиционной культуре, самосознании людей. Появляются новые песенные сюжеты, начинают формироваться исторические предания. Только на Кубани могли быть заложены основы уникального свода социокультурных нормативов, известного под названием "заветы Игната"⁸⁸. Эти заветы, к слову сказать, обусловили многие дальнейшее события в судьбе казаков-некрасовцев, в т.ч. сравнительно позднее переселение их в Россию. Говоря другими словами, местные геополитические социокультурные условия обусловили естественное "перерождение" донских казаков в кубанских.

В заключение необходимо затронуть вопрос о применимости к сообществу кубанских казаков дефиниции "вольное". Анализ литературы показывает, что данная точка зрения, не являясь устойчивой, время от времени появляется на страницах научных изданий. Звучат безответственные, по сути, заявления о "вольной казачьей республике на Кубани", "Кубанской республике", "своего рода казачьей республике" – как проявлении осуществленной мечты "о казачьем государстве с атаманом во главе"⁸⁹. Анализ прав и

обязанностей кубанских казаков показывает, что они не были вольными, с самого начала став *служилыми* людьми, проводниками крымской политики в регионе и за его пределами. Кубанские казаки были вольны лишь в том, что перед ними первоначально стоял выбор в вариантах развития отношений с Крымом: подчиниться, *реально* став подданными, либо скрываться на Кубани в "крепких местах", занимаясь "воровством", переходя в случае опасности в другие регионы – Дон, Закубанье. С этой вариативностью могут быть связаны неоднократные случаи возвращения беглых казаков на Дон, вольных пока еще в своем решении это сделать. Данный пример подтверждает по сути мысль крупного историка казачества С.Г. Сватикова о том, что некоторые из казаков "хотели лишь службы на более льготных условиях, с сохранением большей свободы, другие же стремились к созданию отличных от Российского государства политических порядков, устройству "своей жизни по своей воле"⁹⁰. Различные цели, существовавшие у казаков в период позднего средневековья, с точки зрения Сватикова, сформировали две большие группы: вольное и служилое казачество"⁹⁰. Заслуживает внимания, тем не менее, другая мысль С.Г. Сватикова о том, что нельзя рассматривать природу казачества с позиций несовместимых начал – тяги к свободе и службы государству, что в этом явлении необходимо увидеть две стороны медали⁹¹, что, как справедливо пишет С.М. Маркедонов, сравнимо "в казачеведении... с появлением гегелевского диалектического метода в философии". История первых кубанских казаков представляет собой угасающий вектор развития донских казаков как вольных,

⁸⁸ Тумилевич Ф.В. Сказки и предания казаков-некрасовцев. – Ростов н/Д, 1961 – С.169–173, 180, 182, 219–221.

⁸⁹ Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–

XVIII вв. – М., 1966. – С.202; Волкова Н.Г., Заседателева, Л.Б. Казаки-некрасовцы: основные этапы этнического развития // Вестник МГУ. Сер. 8 (История). – 1986, №4. – С.45; Некрасовцы // Энциклопедический словарь по истории Кубани: С древнейших времен до октября 1917 г. / Науч. ре, д. проф. Б.А. Трехбратов. – Краснодар, 1997. – С.295; Смирнов И.В. Некрасовцы // Вопросы истории. – 1986, №8. – С.99; Шкуро В.И. Указ. раб. – С.4.

⁹⁰ Маркедонов С.М. С.Г. Сватиков – историк и общественный деятель. – Ростов н/Д, 1999. – С.114.

⁹¹ Там же. – С.117.

кардинально меняющий свое направление после наиболее массового пополнения их рядов, связанного с событиями 1708–1712 гг.

Обобщая приведенный в статье материал, промежуточные выводы. следует сказать: 1) Крымскому ханству и Османской империи принадлежит исключительно благоприятная роль в становлении и развитии кубанского казачества. Ни в одной области хозяйственной, религиозной, политической жизни казаков мы не находим фактов притеснения, инициировавшихся бы крымско-турецкими властями; 2) не подлежит сомнению историчность первого ("ханского") Кубанского казачьего войска. Последующий дискурс прежде всего должен лежать в области хронологии его оформления и особенностях инкорпорирования в социально-политическую структуру Крымского ханства⁹²; 3) признание факта долговременного, исторически обусловленного существования в Крымском ханстве в XVIII в. кубанского казачества, благоприятно развивавшегося под эгидой мусульманского Крыма, неизбежно скажется на понимании природы, специфики казачества, не всегда, как оказывается, связанных с "российским фактором" – прежде всего в контексте "природного" служения казаков России.

⁹² Сень Д.В. Кубанское казачество: условия формирования и пополнения... - С.208–213.

